

ДУХОВНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ

УДК 130.2; 808.1

<https://elibrary.ru/pfhewg>

СЛОВО О РУССКОМ ЯЗЫКЕ. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ *Посвящается Году русского языка и памяти профессора В. К. Журавлева (1922–2010)*

Хворова Людмила Евгеньевна
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
и русской и зарубежной литературы
Тамбовского государственного университета
имени Г. Р. Державина
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. Советская, д. 181к
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8720-7906

Грудинина Елена Валерьевна
кандидат филологических наук,
проректор по научной работе,
заведующий магистратурой
Тамбовской духовной семинарии
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3
E-mail: evgrudinina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2918-4731

Для цитирования: Хворова Л. Е., Грудинина Е. В. Слово о русском языке. К вопросу о формировании отечественной духовно-культурной традиции. Посвящается Году русского языка и памяти профессора В. К. Журавлева (1922–2010). DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_187. EDN: PFHEWG // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 4 (25). С. 187–208.

Аннотация

В статье с опорой на рассуждения В. К. Журавлева и других выдающихся российских филологов, философов осмысливается процесс формирования отечественной национальной традиции, основой которой является русский язык. Авторы рассматривают опыт отечественной научной мысли, обнаруживающей прямую зависимость национального культурно-исторического развития и русской словесности, а также анализируют перспективы этого процесса. Разноаспектному анализу подвергается понятие «соборность», ключевое для русской ментальности, выявляется его значение, выходящее за пределы религиозного дискурса. Особое место в данном аспекте занимают концептуальные открытия Ф. М. Достоевского и современного ученого и общественного деятеля Т. С. Георгиевой. Подчеркивается особая роль исторической памяти в развитии феномена соборности как общенационального культурного идеала, его непрерывность, продолжающая свое развитие и в советском государстве, и в современной России.

На основе конкретных примеров авторы выявляют очевидные различия западного и отечественного типа духовного развития, отмечают преемство древнего литературно-языкового опыта, формирующего самобытный культурный феномен, уникальный характер русской словесности в целом. Обосновывается роль русского языка как важнейшего культуuroобразующего компонента российской словесности, а также подчеркивается взаимопроникновение книжного церковно-славянского языка и народной разговорной речи как фактор, определивший своеобразие отечественной стилистики. В заключение раскрывается духовная сущность русского языкового феномена и констатируется способность русского языка стать действенным фактором в консолидации всех народов России.

Ключевые слова: отечественная культурная традиция; русский язык; культуuroобразующий компонент; церковнославянская книжность; история языка; национальный характер; соборность.

Введение

XX век оставил глубокий кровавый след в истории нашей страны. С прискорбием приходится признавать, что Ф. М. Достоевский, проникший в тайники русской души и познавший в совершенстве особенности русского характера, оказался прав, предполагая продолжение общественного идеологического конфликта в нашем Отечестве не на одно столетие. По-прежнему народ с трудом усваивает уроки недавней истории, преодолевая классовые барьеры и разде-

ление на «правых» и «виноватых». Поэтому необходимо сделать все от нас зависящее, чтобы катастрофические, экстремальные события, имевшие место в отечественной истории, более у нас не повторялись. Иначе говоря, вопрос состоит в постижении неразрывности исторического процесса, в обнаружении духовных скреп, которые призваны положить конец бесконечным спорам так называемых «консерваторов» и «либералов». Эти священные скрепы сосредоточены в наследии наших выдающихся соотечественников, о величии которых в суеде страстей мы рискуем забыть и утратить свои богатство и неповторимость.

Одним из таких деятелей отечественной культуры был Владимир Константинович Журавлев (1922–2010) – профессор общего и славянского языкознания, доктор филологических наук (1965), член-корреспондент Международной Славянской академии, специалист по истории славянских языков, истории языкознания, а также по ряду частных филологических дисциплин: фонологии, компаративистике, социолингвистике и лингводидактике. Многие его работы изданы не только на русском, но и на белорусском, украинском, литовском, польском, немецком, японском языках.

В. К. Журавлев – участник Великой Отечественной войны, призванный в армию еще до ее начала, в 1940 году. Отслужив год в Забайкалье, как это часто бывало с совсем еще юными бойцами, прошел, по его словам, «от Сталинграда до Вены», освобождая европейцев, как он однажды заметил, «от их собственного ига». Существует определенная логическая закономерность в том, что очень многие молодые фронтовики впоследствии продолжили свой профессиональный путь, став писателями и учеными-словесниками, служили родному слову, в чем видели свое призвание. Профессия утвердила В. К. Журавлева в православной вере, которую он глубоко постигал, осмысливал непосредственно через древнерусскую словесность.

Целью данного исследования является рассмотрение концепции русской духовно-культурной традиции на материале научной статьи В. К. Журавлева, опубликованной в Тамбове в 1996 году [1, с. 67–95]. Применение методики так называемого медленного чтения и дискурсивного анализа позволяет актуализировать ряд важных постулатов, высказанных ученым более 30 лет назад.

Основная часть

Опираясь на труды выдающихся предшественников – отечественных филологов Н. С. Трубецкого, В. В. Виноградова, Н. О. Лосского, К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского и ряда других Журавлев ставил в прямую зависимость друг от друга русскую духовность и русскую словесность. Он писал, что «ключ к разгадке “загадочной русской души” следует искать в русском языке» [1, с. 67]. Позволим себе в какой-то степени возразить ученому: скорее, не о загадочной душе следует вести речь в аспекте нашего рассуждения, а, напротив, о ее открытости, даже распахнутости и, соответственно, о соборности, тем более, что и сам Журавлев в исследуемой статье вспоминает эту категорию.

В 1927 году Н. С. Трубецкой написал, что народ, этнос, «соборная национальная личность» раскрывает свое внутреннее содержание именно через русский язык. Следует подчеркнуть вслед за авторитетными учеными-филологами, что одной из ключевых в этой связи выступает «древняя литературно-языковая традиция», вследствие чего «наш язык стоит действительно особняком среди литературных языков земного шара» [2, с. 86]. Н. С. Трубецкой, Н. О. Лосский, В. В. Виноградов, а вслед за ними и В. К. Журавлев утверждали уникальность осмысления «преемства» древнего литературно-языкового феномена, формирующего самобытную, именно отечественную культурную традицию, прежде всего через уникальную русскую словесность. Уточним, что отечественная литература, которая базируется на русском языке, является целостным культурообразующим компонентом. Об этом писали выдающиеся духовные деятели, а также современные ученые, к примеру, Е. И. Волкова [3], занимающаяся в этой связи сравнительным аспектом: русской, английской, американской литературой.

Еще в 1930-е годы В. В. Виноградов уточнял, что церковнославянский язык как бы «национализирован русской культурой, и, будучи священным языком религии и церковных книг, постоянно обогащает, развивает народную речь, является неисчерпаемым источником идейного и художественного воздействия на стили общественного языка» [4, с. 93–94]. В настоящее время, когда Русская Православная Церковь уже более 30 лет ведет активную миссионерскую, духовно-просветительскую и социально-

благотворительную деятельность в нашей стране, вполне можно говорить о сложившемся религиозном стиле русского литературного языка, который уместно назвать православным (ортодоксальным) стилем. «Конфессиональная привязка термина для обозначения данного стиля в русском языке вполне целесообразна, принимая во внимание историю формирования его языковой системы под непосредственным влиянием церковнославянского языка», богослужебного языка Русской Православной Церкви [5, с. 211].

В. К. Журавлев подчеркивал, что «процесс формирования современных литературных языков у других народов Европы сопровождался отрывом от культуры книжно-церковных традиций Средневековья. Монастырская латынь весьма далека и не понятна... для немца и поляка... для француза и итальянца... Современный болгарский литературный язык осуществил относительную связь с традициями древнеболгарского литературного языка лишь посредством заимствований из русского литературного языка...» [1, с. 69]. Церковнославянская книжность создала ряд преимуществ русского литературного языка. Трубецкой отмечал богатство словарного состава, например, в оттенках значений, наличие параллельных пар слов, построенных на противопоставлении бытового высокому: *палец – перст, глаз – око, рот – уста, голова – глава, город – град* и т. п. Синтез церковнославянской и великорусской стихии, по его убеждению, ставит этот язык в исключительное положение в ряду других языков.

Каким же образом эта специфика связана с национальным характером? Издавна, на Руси, с тех пор как ребенок начинал познавать мир, он овладевал навыками аудирования – восприятия народно-разговорной речи и церковнославянского языка. Постепенно в сознании отдельных людей и национальном сознании складывалось различие между земным – временным и небесным – вечным: *отвори ворота – Царские врата, крестное знамение – крёстный отец, возглашать – голосить, небеса – нёбушко, Хлеб небесный – хлебушек.*

Журавлев подчеркивал, что в исконных правилах первым связным текстом для ребенка обычно была молитва. Следует признать, что при всем строгом различии приведенные нами слова все-таки схожи, что заметно именно со временем. Напрашивается интересный вывод (интерпретируем и разовьем мысль В. Журавлева сквозь «светскую» систему координат): Небесное и материальное в нашей

духовной традиции – близкие и сочетаемые компоненты. Этому посвящен известный труд архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа и тело» [6]. Своей красотой, величием, роскошью православные храмы приучали прихожан одновременно к этике и эстетике, что происходило опять-таки в мудрейшем синтезе одного с другим. В нашей духовно-культурной традиции была отмечена и сущность понятия «патриотизм» как непосредственно духовной сферы: «...близкий человек, Храм, Отечество, Господь, “ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше” (Мф. 6, 21). Этим, пожалуй, и объясняется характернейшая черта русской души – религиозность и патриотизм» [1, с. 71].

Философ Н. О. Лосский обратил внимание на высказывание французского мыслителя XIX века Леруа-Болье, что оригинальность России заключается «в применении этики Христа в общественной и частной жизни» [7, с. 40], то есть именно на сближение, схожесть через язык, разностилевое взаимодействие обращали внимание ученые.

О «назначении» русских быть друзьями всех народов неоднократно высказывался и Ф. М. Достоевский, чему мы видим многочисленные подтверждения в истории. Журавлев напомнил о «германо-турецком геноциде армян в 1915 году», о вступлении России в войну в 1914 году с целью предупредить геноцид сербов. Русский народ воевал за «духовные сокровища» – за освобождение своих братьев. Абсолютно противоположным было поведение западников, «гонимых жаждой золота»: уничтожение Мезоамерики, краснокожих аборигенов, охота на чернокожих рабов: «Должен же кто-то “делать деньги” для нового хозяина во имя торжества “рыночных отношений”» [1, с. 73]. Продолжая свои историко-философские рассуждения, ученый подчеркивал: «Русский народ, пробираясь к берегам Тихого океана, принес людям Сибири самое северное в мире земледелие, протянул в тяжелейших условиях самую большую железную дорогу. Это русские рабочие артели строили железные дороги в Царстве Польском, в Прибалтике, Финляндии и Закавказье» [1, с. 73]. В начале XIX века, когда границы между Россией и Турцией, Россией и Швецией передвинулись на запад, «были изданы первые буквари и учебники молдавского и финского языков. В Финляндии были открыты первые школы с преподаванием на финском языке. Финляндии даровали

“весьма демократичную” конституцию» [1, с. 74]. При этом на территориях Царства Польского, Прибалтики, Бессарабии жизненный уровень был выше, чем в исконно русских губерниях.

Смирение, долготерпение – основные черты русского народа. В русском языке нашли отражение и любовь ко Христу, и глубинная, внутренняя, часто не слишком заметная, не лежащая на поверхности религиозность. Любимыми книгами русского, как подчеркивал В. К. Журавлев, были жития святых и «Добротолюбие», в то время как на Западе зачитывались «Декамероном». Подчеркнем очень важную его мысль: «...не случаен лавинообразный поток русской художественной литературы XIX века с ее высоко нравственными идеалами. Идеальным героем русского народа был не удачливый кладоискатель, а Микула Селянович да Илья Муромец, не щадившие “живота своего” за Святую Русь. Заклеймив презрением Скупого рыцаря да Кощея, что “над золотом чахнут”, русский человек восхищается святой простотой Сергия Радонежского и Серафима Саровского» [1, с. 75]. Продолжая мысль ученого, следует подчеркнуть принципиальное различие в восприятии злого, сатанинского начала. В западной культурной традиции демонизм – абсолютное зло, а в отечественной – зло нелепо, а нередко комично, следовательно, победимо. Так, в пушкинских текстах над золотом «бессмертный» Кощей именно «чахнет», и само бессмертие становится для него невыносимой мукой. Смешна и нелепа Баба-Яга в русском фольклоре. Семантика имен этих персонажей вполне соответствует их образу. Злые чары, коварство и лукавство побеждаются в русских сказках силой христианских добродетелей любви и прощения. Царь Салтан в сказке Пушкина «на радости», обретя снова жену и сына, прощает сватью Бабу Бабариху, Ткачиху и Повариху, которые от зависти стремились разрушить его семью. Горделивая и завистливая царица из «Сказки о мертвой царевне...» умирает в приступе собственной злобы, не перенеся вида чужого счастья, а молодая царевна и ее жених царевич Елисей с честью проходят все испытания, поскольку живут с Богом и сопровождают все действия молитвой, хранят друг другу верность, честны и милосердны в отношениях с людьми.

Рассуждая об уникальности русской художественной литературы XIX века, следует подчеркнуть ее научно-философский и эмоционально-образный синтез: «Всегда отзывчивая к настоящей-

му, временному, русская художественная литература в то же время всегда была сильна мыслью о вечном, непреходящем; почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумиряющими и значительнейшими проблемами человеческого духа» [8, с. 300–301]. Научная составляющая такого тезиса как раз и заключена в рассматриваемой цепи обоснований: *язык – богообщение (молитва) – древнерусская книжность – светская словесность* (в основе которой не может не быть глубокой аналитики или философичности). Тому существует немало примеров. «Русская литература, – по Журавлеву, – “отражала” загадочную русскую душу и в то же время воспитывала русский народ, формировала русский народный характер. Поиски абсолютного добра, глубинное проникновение в тайники душевной жизни, чувство ответственности перед отчизной и народами, ее виртуозное умение “чувства добрые лирой пробуждать”, “милость к падшим” призывать и свободу восславлять при беспощадном обличении зла, пороков, несправедливости – вот характернейшие черты русской литературы, сформировавшиеся в ее “Золотом веке” Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Щедрина, Островского и других...» [1, с. 76]. На искоренение внутреннего зла, поиски недостатков в самом себе было направлено русское слово, которого, как продемонстрировала наша современность, опасаются наши зарубежные «партнеры», малодушно запрещаая русскую классику на своем «счастливом» Западе, очевидно, боясь раствориться в ней.

Нетерпимость к русской классике представители западной словесности нередко демонстрировали и ранее. Почти сто лет назад эту тенденцию заметил Н. О. Лосский: «Иностранцы, читая русскую литературу, изобилующую обличениями недостатков русской жизни и русского государства, нередко воображают, будто русский народ – особенно порочный, примитивный и жалкий. Они не понимают того, что подчеркнуто сатирический характер русской литературы свидетельствует о борьбе русского народа со своими недостатками...» [7, с. 209]. Таким образом, непонимание русской словесности западным миром укоренено в глубине различий духовно-культурных парадигм.

В свою очередь, духовность, органично вошедшая в русскую литературную классику золотого века, начиная с Ломоносова и Державина, является закономерным фактом, берущим свое начало

из сформированного традиционного стержня, заложенного в глубокой древности, от первоисточника – из церковнославянского текста, обогатившего народную речь. Церковный текст «регулировал» и динамично развивал литературный язык: «Уровень мастерства писателя определялся степенью его начитанности, усвоения образцовых текстов» [1, с. 78]. Высказывания, крылатые выражения из Грибоедова, Крылова, Пушкина, Гоголя, Тютчева, Щедрина, Чехова прочно укоренены в народном сознании, но при этом далеко не всегда понятны иностранцам. Важно уточнить, что русская словесность имела и воспитательное значение, что также развивало традицию древнерусской книжности и закреплялось на ментальном уровне. Неосознанно усвоенная духовная традиция русской словесности в своем глубинном подтексте не нарушалась и в советские времена, что было особенно заметно в литературе периода Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Время показало, что не сработали жесткие цензурные идеологические критерии советской литературно-критической мысли 1920-х годов, хотя многие называли это десятилетие апокалиптическим. Им оказалось не под силу разрушить укорененные веками традиции. Даже в крайне идеологизированном романе Н. Островского «Как закалялась сталь» обнаруживаются типичные особенности отечественной поэтики. А в произведениях литературных классиков, спустя довольно продолжительное время, следующие поколения читателей обнаруживают все новые и новые оттенки духовного смысла.

Журавлев в своей работе напомнил основополагающие аспекты различия православной (восточно-христианской) и католической (западно-христианской) духовных традиций на основе систематизации знаний, полученных из работ русских религиозных философов: «Православие – призывает к свободному человеческому сердцу; Католицизм – призывает к слепо покорной воле; Православие ищет пробуждения в человеке живой творческой любви и христианской совести; Католицизм – требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество); Православие – идет вглубь души, ищет искренней веры и искренней доброты; Католицизм – спрашивает о “предписанном”, “запрещенном”, “разрешенном”, “простительном” и “непростительном”; дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели» [1, с. 79]. В контексте

наших рассуждений чрезвычайно важен вывод Журавлева о том, что «именно различие способов овладения языком своей духовной культуры и сформировало нравственное отличие Православия от Католицизма» [1, с. 78]. Если у славянских книжников, переводчиков, писателей динамическим регулятором бытования литературного языка был непосредственно целостный церковнославянский текст, то в западной традиции таким регулятором выступала исключительно грамматика латинского языка. Ученый подчеркивал: для того чтобы «научиться читать и писать, западному человеку необходимо было выучить, усвоить разумом грамматику с ее строгой регламентацией» [1, с. 78]. Католик осмысливал текст разумом, ища рациональное зерно в частностях, деталях, и далеко не всегда воспринимал его целостно. Наши «отцы Церкви, переводя или составляя текст, свободно черпали слова из глубины своих чистых душ, западный же книжник постоянно ощущал страх преступить законы и предписания грамматики» [1, с. 78]. Другими словами, формирование русского самосознания происходило творчески, как «созерцание Божественной гармонии мироздания, его целостности, предопределяющей частности, детали осязаемой действительности» [1, с. 79]. В отличие от западного индивидуума, русский человек в поиске истины шел от целостного восприятия к частному, а не наоборот.

Рассудочная наука – это «наука духовно слепая: она не видит целостного предмета, бессильна», по уточнению Журавлева, «она застревает в частях и кусочках, бессильна подняться к созерцанию целого» [1, с. 79]. Отсюда характерная концентрация западного типа сознания на бытовом и материальном. Вполне логично, что так называемая эпоха Просвещения в Европе «сформировала идеологию бытового и философского материализма как морально-философское обоснование развития товарно-денежных, рыночных отношений. Философский материализм приводил к атеизму, социальным революциям» [1, с. 80].

Журавлев был убежден, что «внутреннее неприятие западного материализма, “вольтерьянства”, осознание пагубных морально-этических последствий перехода к рыночной экономике и вызвали бурные дискуссии о путях развития России между западниками и славянофилами, обусловили осторожность шагов России по пути реформ» [1, с. 80]. Феномен раннего славянофильства (специали-

стам хорошо известно различие между поздним и ранним вариантами этого явления) рассматривается академиком-языковедом как протест «против бездумного, насильственного и “карикатурного” заимствования европейской культуры. Историко-философское осмысление русского национального характера привело славянофилов к обновлению самобытности любой национальной культуры» [1, с. 80]. Данную точку зрения разделяют и современные исследователи. Так, священник Виталий Щербаков обращается к статье А. С. Хомякова «О старом и новом» и отмечает, что ее автор «не идеализировал прошлое России», «говорил об исторических проблемах России как Киевского, так и Владимирского великокняжеских периодов», «указывал на крепостное право, на злоупотребления дворянства по отношению к крестьянам как на несомненное зло» [9, с. 18]. Вместе с тем Хомяков показывал «выгоды неисчислимые», которые несет в себе русская национальная культура: «На нашей первоначальной истории не лежит пятно завоевания. Кровь и вражда не служили основанием государству русскому, и деды не завещали внукам преданий ненависти и мщениа. Церковь, ограничив круг своего действия, никогда не утрачивала чистоты своей жизни внутренней и не проповедовала детям своим уроков неправосудия и насилия» [10, с. 221]. К. С. Аксаков, еще один представитель раннего славянофильства, подчеркивал, что необходимо признавать всякую народность. По его мнению, если народ потеряет свою народность, он исчезнет. Пути развития так называемого «либерализма» в России привели к внутреннему расколу среди интеллигенции и, в конце концов, к серии революционных взрывов в первой четверти XX столетия.

В настоящее время российские ученые, общественные деятели достаточно часто в различных контекстах употребляют понятие «цивилизация». Если опираться на рассуждения тех же представителей русской религиозно-философской мысли, то следует признать существование двух понятий: цивилизации западного типа «как совокупности бытового, внешнего, материального» и «культуры как явления внутреннего, духовного» [1, с. 80]. Идеал Святой Руси есть идеал православный: то есть совокупность тех качеств, которые определяются умением сочетать подвиги и покаяние, демонстрировать в исключительных обстоятельствах патриотизм как явление духовное. Именно утрата, забвение идеала Святой Руси,

по мнению Журавлева, «гибельна для народа русского и для России» [1, с. 81].

Духовного подъема Россия достигает лишь тогда, «когда удается освободиться от бездумного “европейничанья”», когда «проявляется дух своих культурно-исторических традиций, национального инстинкта, расцветает всеми цветами радуги русская душа, проявляются самые лучшие черты русского национального характера» [1, с. 82]. Примерами такого подъема русского духа – соборной освободительной миссии русского народа в XIX веке – являются освобождение Финляндии, Отечественная война 1812 года, освобождение Армении 1876–1877 гг., освобождение Болгарии от Османской империи (1878). «Дух национального инстинкта» сохранился во время Великой Отечественной войны. Соборность и патриотизм остались в глубинах русской души, что сказалось на стремлении к освобождению от фашизма не только своего Отечества, но и поработенной Гитлером Европы.

Национальная русская культура, выросшая из глубин Православия, одухотворяла искусство, литературу, науку. Цивилизацией некое сообщество может называться лишь тогда, когда у него существует духовно-культурный стержень. Специфика русского менталитета – это неустанные поиски «добра, истины, красоты и гармонии, формировала и характерные черты русской науки, русского ученого» [1, с. 83]. Именно такими были русские гении, ученые-энциклопедисты М. В. Ломоносов, В. Н. Вернадский, Д. И. Менделеев, К. Д. Ушинский, Н. С. Трубецкой и многие другие.

По наблюдению Журавлева, «отечественная наука о языке народов России и сопредельных стран заняла ведущее место среди наук гуманитарного цикла в России уже к концу XIX века. Разнообразие языкового материала, уважительное отношение к народам, говорящим на различных языках, представляющим почти все языковые семьи Евразии, бережное отношение к культурно-историческим традициям, идущим из Византии и арабского Востока, Китая, Древней Индии и Западной Европы, выдвинули нашу лингвистическую науку на ведущее место в мире» [1, с. 83]. В целостную науку о языке с предметом и методом исследования российские языковеды Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и другие объединили разрозненные филологические дисциплины: синтаксис с логикой, фонетику – с физиологией и акустикой, лексику – с историей

народа. Русские ученые выдвинули и обосновали «представление о системном устройстве языка и реальной действительности, о минимальных единицах структуры языка, оппозициях (противопоставлениях)...» [1, с. 85]. Таким образом, в отечественной науке о языке «сложился системно-функциональный подход ко всем явлениям языка как фундамент “лингвистического мировоззрения” XX века» [1, с. 85]. В этой связи важным положением является то, что «лингвистическое содержание любого элемента, любого языка определяется “как бы свыше”, т.е. его местом и функцией в системе данного языка» [1, с. 85]. Журавлев с некоторым удивлением обнаружил, что в Европе, Америке, Японии и во всем мире лингвистика стала «истинной наукой лишь в середине XX века, когда туда проникли идеи русских ученых и ученых, получивших филологическое образование в России» [1, с. 85]. В этом заслуга таких известных деятелей, как Н. С. Трубецкой, С. Карцевский, Р. Якобсон, А. Белич, Н. Ван Вейк, Макс Фасмер и других.

Лингвистика была названа ведущей наукой, которая оказала существенное влияние на развитие теории письма, стиховедения, литературоведения, этимологии, психологии, символической логики, теории чисел, теории информации, кибернетики, генетики и т.д. Великий русский ученый-естествоиспытатель В. И. Вернадский предсказывал, что «на смену дивергенции наук должна прийти эпоха интеграции огромной массы знаний, накопленных человечеством, в некую целостность» [1, с. 85]. Именно отечественная наука о языке сделала серьезный шаг, предсказанный Вернадским, соединив «разрозненные философские знания в целостную науку о языке, а к середине XX века успешно интегрировала и различные гуманитарные знания в определенную целостность, стимулируя интенсивное развитие науки о человеке, гуманизацию научных знаний, народного образования и воспитания. Лингвисты, сделавшие крупнейшие открытия общенаучного значения, отмечали, что во многих случаях эти открытия были подсказаны русским языком» [1, с. 85].

Таким образом, существует необходимость обоснования ключевого для русского духовно-культурного самосознания понятия «соборность», которое в многовековой отечественной традиции приобрело глубинный смысл. Принято считать, что оно изобретено славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием с целью пере-

дачи смысла греческого слова «кафолический», то есть «всеобщий». Римо-Католическая церковь это слово не вводила в богословский дискурс. В России понятие «соборность» ввели в оборот А. С. Хомяков, русский поэт и философ XIX века, философ Ю. Ф. Самарин, затем Ф. М. Достоевский. В начале XX века к нему обратились В. Соловьев, С. Трубецкой, С. Булгаков, С. Франк, вследствие чего оно достаточно прочно закрепилось в русской религиозно-философской мысли того времени. Н. Бердяевым был создан труд с оригинальным названием «Алексей Степанович Хомяков», посвященный осмыслению феномена соборности, его значения для русской национальной традиции. Именно Хомяков обосновал соборность как стержневое свойство не только к церковной, но и бытовой, культурной, общественной жизни России.

В основе семантики слова «соборность» заложена культурно-самобытная идея «единства во множестве», которая, несомненно, восходит к единению во Христе. Через это понятие мы приближаемся к пониманию русской национальной идентичности. Митрополит Тамбовский и Рассказовский Феодосий (Васнев) так объясняет природу национальной духовной традиции: «2000 лет назад миру были даны вечные новозаветные ценности. Русская цивилизация восприняла их в купели Крещения, и уже более 1000 лет они служат основой жизни нашего общества. На них формировался духовный, нравственный, культурный, экономический потенциал народа, они являлись фундаментом воспитания и образования ушедших поколений, ими продолжают жить большинство наших современников. В отличие от ценностных систем, разработанных людьми, они неизменны и так глубоко проникли в сознание русского человека, что, как правило, преобладают в его жизни в любой религиозной, культурной или общественной среде» [11, с. 128–129].

Профессор А. В. Гулыга подчеркивал особенность личного восприятия россиянами духовных ценностей: «Русские поставили проблему взаимосвязи личностей – действующих, думающих, переживающих, в том числе и неосознанно – это особенно у Достоевского. Единство общего и единичного, при сохранении полного братства последнего – “соборность”. Такого термина нет на Западе» [12, с. 5]. Священник П. Флоренский выделял основополагающие критерии соборности: семья, родина, род человеческий: «Живя, мы соборujemy сами с собой – в пространстве и во времени, как це-

лостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих – по закону тождества – элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр., и пр. Подобно мы собираемся в семью, и род, и народ и т.д., соборуюсь до человечества и включая в единство человечности весь мир»¹. Имеется в виду, прежде всего, духовное единение.

Самым явным признаком, противоположным соборности, Достоевский называл *отъединение* – крайнюю степень индивидуализма (не индивидуальности! – прим. авт.), которая неизбежно ведет к преступлению. Отъединение, по его мнению, противоположное понятие о гражданине. Это самая опасная тенденция в мире – разделение и обособление, замкнутость в своей «правоте».

Важнейшая и часто цитируемая фраза Священного Писания «Бог есть Любовь» (1 Ин. 4, 8) органично, многообразно вошла в художественный дискурс Достоевского и в обоснование соборности. Писатель достиг глубин духовного чувствования и понимания, что «любовь не может заключаться в себе самой, ибо основное свойство ее – потребность изливаться на кого-нибудь и на что-нибудь, и эта потребность привела к созданию Богом мира» [Цит. по: 6, с. 15]. Способность полюбить врага, простить недруга – одна из основополагающих черт русского характера, по рассуждениям Достоевского. Сущность русской идеи он определял как «всеединство», объединение всех наций и народов, славянофилов и западников на родной почве.

В феномене соборности очень важен элемент памяти. С одной стороны, священно историческое взаимодействие прошлого с настоящим, то есть единение всех предшествующих и ныне живущих поколений вокруг значимых, поворотных национальных событий: Крещение Руси, освобождение от монголо-татарского ига, от польской интервенции, Отечественная война 1812 года, Великая Отечественная война и многие другие. С другой стороны, это своеобразное преодоление времени и власти смерти, основанное на православном понимании Церкви, которая состоит из двух частей: земной (воинствующей) и небесной (торжествующей). Это осмысление единой национальной судьбы в свете евангельской истины, поскольку «у Бога нет мертвых, все живы» (Мф. 22, 31).

---

¹ Филиппов Б.О. Павел Флоренский // Азбука веры : православный портал. URL: <https://azbyka.ru/fiction/o-pavel-florenskij/> (дата обращения: 01.06.2023).

Ряд важных уточнений к формулировке категории соборности был сформулирован Т. С. Георгиевой, которая подчеркнула наднациональный и общегосударственный характер этого понятия. Помимо общинности, коллективизма, соборность несет в себе, с ее точки зрения, «более важный для судеб России этноконсолидирующий фактор – этническую уживчивость русских. Русские умели прощать своим врагам, открыты для всех “иностранцев”, обладая планетарным типом мышления, а вернее – мироощущением. Воистину слова Священного Писания, что в Царствии Небесном “нет уже ни иудея, ни язычника, нет раба, ни свободного” (Гал. 3, 28), “и будет одно стадо и один пастырь” (Ин. 10, 16) – *суть русского характера, органически чуждого какому-либо национализму*» [13, с. 69].

Очень важны рассуждения Т. С. Георгиевой о том, кто такой русский. Она связывает это понятие «с социально-исторической разновидностью» нашего Отечества, а самое главное «с общенациональным (русским) языком и принадлежностью к русской культуре» [13, с. 70–71]. Она утверждает, что соборное единение, хотя и по-разному называлось в различные эпохи российской государственности, ключевой смысл никогда не теряло. В основе государственных органов страны «четко прослеживается ряд соборных институтов: Всенародное вече – Земский Собор – Государственная дума – Совет депутатов» [13, с. 67].

Первый Всемирный Русский Народный Собор сформулировал важный тезис о том, что «культурологическое самоопределение русских» всегда исключало «всякий биологический национализм и шовинизм, позволяло русским веками играть соборную, сплачивающую роль в семье народов великой России»². Помощь другим народам, в том числе и за пределами России, зачастую абсолютно безвозмездная, – это естественное, исконное назначение русских как соборообразующего и государствообразующего народа.

Заключение

Подводя итоги нашего рассуждения об основополагающих тенденциях национального культурно-исторического развития и русской словесности, отметим, что Конституция Российской Феде-

---

² I Всемирный Русский Собор. Российская соборная мысль. Москва : [б.и.], 1993. С. 103.

рации в последней редакции закрепила за русским языком статус «языка государствообразующего народа»³ (ст. 68, п. 1), тем самым подчеркнув его определяющую роль в истории и культуре Российского государства. В свою очередь, в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации», в котором «постулируется мультикультурализм, а русский язык выступает интегрирующим элементом, содействующим “взаимопониманию, укреплению межнациональных связей народов Российской Федерации”, а также “приумножению и взаимообогащению духовной культуры народов Российской Федерации” (ст. 1, пп. 4–5)» [14, с. 202].

За несколько десятилетий до принятия на государственном уровне этих постулатов аналогичную концепцию изложил в своих трудах профессор В. К. Журавлев, который выявил основные различия западного и отечественного типа духовного развития, отметил преемство древнего литературно-языкового опыта, определившего уникальный характер русской словесности в целом, а также взаимопроникновение книжного церковно-славянского языка и народной разговорной речи как фактор, определивший своеобразие отечественной стилистики.

Этноконсолидирующая функция русского языка и основанной на нем русской культуры наиболее ярко проявляется в феномене соборности. Это неотъемлемое свойство русского менталитета определяет высокие духовно-нравственные качества нашей нации: способность без противоречий сопрягать личное (единичное) с общественным (массовым); способность прощать и тонко чувствовать ближнего; глубокую историчность мышления, выраженную в неразрывной связи поколений.

Список литературы

1. *Журавлев, В. К.* Русский язык и русский национальный характер / В. К. Журавлев // Кредо : научно-популярный и литературно-художественный областной независимый журнал. – Тамбов, 1996. – № 6/7. – С. 67–95.

2. *Трубецкой, Н. С.* Общеславянский элемент в русской культуре / Н. С. Трубецкой // К проблеме русского самопознания / Н. С. Трубецкой. –

---

³ Статья 68 // Конституция Российской Федерации : с гимном России : новая редакция. Москва : Проспект, 2021. С. 19.

Париж ; Берлин : Евразийское книгоиздательство, 1927. – С. 54–94. – URL: <http://e-heritage.ru/Book/10075510> (дата обращения: 15.06.2023).

3. *Волкова, Е. И.* Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе : (С. Т. Кольридж, В. Ирвинг, А. С. Пушкин, Э. А. По, А. Белый и др.) : 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии / Волкова Елена Ивановна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Факультет иностранных языков, Кафедра сравнительного изучения национальных литератур и культур. – Москва, 2001. – 417 с.

4. *Виноградов, В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. – 287, [1] с.

5. *Грудинина, Е. В.* К вопросу о дифференциальных признаках религиозного стиля и его месте в стилистической системе современного русского языка / Е. В. Грудинина. – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_202 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023 – № 2 (23). – С. 202–226.

6. *Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп.* Дух, душа и тело / архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). – Москва : ТЕРИРЕМ, 2016. – 180 с.

7. *Лосский, Н. О.* Характер русского народа / Н. О. Лосский. – Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви : Дар, 2005. – 335 с. – ISBN 5-485-00031-2.

8. *Волжский (Глинка А. С.).* Из мира литературных исканий : сборник статей / Волжский. – Санкт-Петербург : Издание Д. Е. Жуковского, 1906. – [4], 402 с.

9. *Щербаков, В. Ю., свящ.* Взгляд на путь развития России: генезис проблемы : (на основании историко-философского спора западников и славянофилов) / священник Виталий Юрьевич Щербаков // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2020. – № 1 (10). – С. 14–26.

10. *Хомяков, А. С.* «Лучшие инстинкты души Русской». О старом и новом / Алексей Хомяков // Всемирная задача России / Алексей Хомяков. – Москва : Институт русской цивилизации : Родная страна, 2016. – ISBN 978-5-9908736-4-3. – С. 204–222.

11. *Феодосий (Васнев), митр. Тамбовский и Рассказовский.* Ценности вечные и ценности преходящие / митрополит Феодосий (Васнев). – DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_128 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2021. – № 2 (15). – С. 128–138.

12. *Гулыга, А. В.* Русский философский ренессанс и творческая судьба Вл. Соловьева / А. В. Гулыга // Соловьев Вл. Сочинения. – Москва : Раритет, 1994. – С. 5–12.

13. *Георгиева, Т. С.* Культура повседневности : русская культура и Православие / Т. С. Георгиева. – Москва : Аспект Пресс, 2008. – 397 с. – ISBN 978-5-7567-0476-1.

14. Грудинина, Е. В. Русский язык как основа духовной культуры российской нации / Е. В. Грудинина. – DOI: 10.51216/2687-072X_2023_3_191 // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. – 2023. – № 3 (24). – С. 191–207.

Статья поступила в редакцию 17.06.2023

Статья поступила после рецензирования 13.10.2023.

Статья принята к публикации 25.10.2023.

UDC 130.2; 808.1

**SPEAKING ABOUT THE RUSSIAN
LANGUAGE.
ON THE FORMATION OF THE NATIONAL
SPIRITUAL AND CULTURAL TRADITION**
*Dedicated to the Year of the Russian
Language and the memory of
Professor V. K. Zhuravlev (1922–2010)*

Lyudmila Khvorova
Doctor of Philology, Professor
Professor at the Department of the Russian
Language and Russian and World Literature
Derzhavin Tambov State University
181K Sovetskaya Street, Tambov, 392000,
Russia
E-mail: xworowa.mila@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8720-7906

Elena Grudinina
PhD in Philology
Vice-Rector for Research
Director of the Master's Programs
Tambov Theological Seminary
3 M. Gorkogo Street, Tambov, 392000, Russia
E-mail: evgrudinina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2918-4731

For citation: Khvorova L. I., Grudinina E. V. Speaking about the Russian language. On the formation of the national spiritual and cultural tradition. Dedicated to the Year of the Russian language and the memory of Professor V. K. Zhuravlev (1922–2010) DOI: 10.51216/2687-072X_2023_4_187. EDN: PFHEWG // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 4 (25). 187–208 pp. (in Russian)

Abstract

The article, on the basis of the reasoning made by V. K. Zhuravlev and other outstanding Russian philologists and philosophers, tries to make sense of the process of formation of the national tradition, with the Russian language lying at the core of it. The authors consider the experience of national scientific thought, which reveals a direct dependence of national cultural and historical development and Russian literature, and also analyze the prospects for this process. The concept of “conciliarity”, which is key to the Russian mentality, is subjected to multi-aspect analysis; its meaning, which goes beyond the boundaries of religious discourse, is revealed. A special place in this aspect is occupied by the conceptual discoveries of F. M. Dostoevsky and modern scientist and public figure T. S. Georgieva. The special role of historical memory in the development of the phenomenon of conciliarity as a national cultural ideal is emphasized, its steadiness which continues its development both in the Soviet state and in modern Russia.

Based on specific examples, the authors identify obvious differences between Western and Russian types of spiritual development, note the continuity of ancient literary and linguistic experience, which forms an original cultural phenomenon, the unique character of Russian literature as a whole. The role of the Russian language as the most important culture-forming component of Russian literature is substantiated, and the interpenetration of the book Church Slavonic language and folk colloquial speech is emphasized as a factor that determined the originality of Russian stylistics. In conclusion, the spiritual essence of the Russian linguistic phenomenon is revealed and the ability of the Russian language to become an effective factor in the consolidation of all the peoples of Russia is stated.

Keywords: national cultural tradition; Russian language; culture-forming component; Church Slavonic bookishness; history of language; national character; conciliarity.

References

1. Zhuravlev V. K. *Russkii yazyk i russkii natsional'nyi kharakter* [Russian language and Russian national character]. *Kredo* [Credo]. Tambov, 1996, no. 6/7, pp.67–95. (In Russian).
2. Trubetskoy N. S. *Obshchieslavvyanskii element v russkoi kul'ture* [Common Slavic element in Russian culture]. *K problem russkogo samosoznaniya* [On the problem of Russian self-knowledge]. Paris; Berlin, Eurasian Book Publ., 1927, pp. 54–94. (In Russian). Available at: <http://e-heritage.ru/Book/10075510> (accessed: 15.06.2023).
3. Volkova E. I. *Syuzhet o spasenii v russkoi, angliiskoi i amerikanskoi literature. Dis. dok. kul'tur.* [The plot of salvation in Russian, English and American literature. Dis. Doc. of Cultural Studies]. Moscow, 2001, 417 p. (In Russian).
4. Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII-XIX vekov* [Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries]. Moscow, State Educational and Pedagogical Publishing House Publ., 1934, 287, [1] p. (In Russian).
5. Grudinina E. V. *K voprosu o differentsial'nykh priznakakh religioznogo stilya i ego meste v stilisticheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka* [On differential features of religious style and its place in the stylistic system of the modern Russian language]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_2_202 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 2 (23), pp. 202–226. (In Russian).
6. Luke (Voyno-Yasenetsky), Archbishop. *Dukh, dusha i telo* [Spirit, soul and body]. Moscow, TERIREM Publ., 2016, 180 p. (In Russian).
7. Lossky N. O. *Kharakter russkogo naroda* [The character of the Russian people]. Moscow, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Dar Publ., 2005, 335 p. (In Russian).
8. Volzhsky (Glinka A. S.). *Iz mira literaturnykh iskanii* [From the world of literary search]. St. Petersburg, D. E. Zhukovsky Publ., 1906, [4], 402 p. (In Russian).
9. Shcherbakov V. Yu., Priest. *Vzglyad na put' razvitiya Rossii: genesis problem (na osnovanii istoriko-filosofskogo spora zapadnikov i slavyanofilov* [A look at the path of development of Russia: the genesis of the problem (based on the historical and philosophical dispute between Westerners and Slavophiles)]. *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2020, no. 1 (10), pp. 14–26. (In Russian).
10. Khomyakov A. S. “Luchshie instinkty dushi Russkoi”. O starom i novom [“The best instincts of the Russian soul.” About old and new].

Vsemirnaya zadacha Rossii [Worldwide task of Russia]. Moscow, Institute of Russian Civilization, Native Country Publ., 2016, pp. 204–222. (In Russian).

11. Feodosy (Vasnev), Metropolitan of Tambov and Rasskazovo Tsennosti vechnye i tsennosti prekhodyashchie [Eternal values and transitory values]. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_128 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2021, no. 2 (15), pp. 128–138. (In Russian).

12. Gulyga A. V. Russkii filosofskii renessans i tvorcheskaya sud'ba Vl. Solov'eva [Russian philosophical renaissance and the creative destiny of Vl. Solovyov]. *Solovyov Vl. Sochineniya* [Solovyov Vl. Writings]. Moscow, Raritet Publ., 1994, pp. 5–12. (In Russian).

13. Georgieva T. S. *Kul'tura povsednevnosti: Russkaya kul'tura i Pravoslavie* [Everyday culture: Russian culture and Orthodoxy]. Moscow, Aspect Press Publ., 2008, 397 p. (In Russian).

14. Grudinina E. V. Russkii yazyk kak osnova dukhovnoi kul'tury rossiiskoi natsii [Russian language as the basis of the spiritual culture of the Russian nation]. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_3_191 *Bogoslovskii sbornik Tambovskoi dukhovnoi seminarii* [Theological Collection of Tambov Theological Seminary]. 2023, no. 3 (24), pp. 191–207. (In Russian).

Received 17 June 2023.

Reviewed 13 October 2023.

Accepted for press 25 October 2023.